

очевиднее внутренняя форма становится, если обратиться к форме большой берцовой кости, утолщением на конце которой и является *циколотка*. Семантику утолщения демонстрируют и другие слова: *кóлот* 'тяжелая дубина с утолщенным концом, которой глушат рыбу, ударяя по льду' (СРНГ 14, 178), *колдáшка* 'набалдашник' (СРНГ 14, 115), *колдовина* 'нарост на дереве; горб' (СРНГ 14, 116).

Для слов *колтун* и *колдун* 'спутанные, слипшиеся плотным комом волосы на голове; колтун' (СРНГ 14, 117) можно предложить следующее объяснение: это — свалывшиеся, сбитые или сбившиеся волосы, следовательно, из *колтать* — **кълдати* (бить) волосы > *колтун-колдун* 'сбившиеся (в комок) волосы'. Ср. *шерстобит* — тот, кто бьет шерсть, превращая ее в войлок. Соответственно, **кълдати* (бить землю, дорогу чем-л.) > *колдоба* 'выбоина, ухаб, рытвина (на дороге)' (СРНГ 14, 115).

В будущих исследованиях следовало бы обратить самое пристальное внимание на формальную и семантическую близость корней *колт-/колд-/болт-/галд-* (**кълт-*, **кълд-*, **бълт-*, **гълд-*), представленных словами *колтать-колдать*, *болтать* и *галдеть*.

Предложенная выше трактовка древнего ПИЕ префикса *(s)ke-/(s)ko-/(z)ge-/(z)go- с долгим и кратким вокализмом открывает путь к этимологической интерпретации широкого круга славянских слов с «темной» этимологией.

ЛИТЕРАТУРА

- РФВ — Русский Филологический Вестник, в 78 т. Варшава, 1879–1918.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин (вып. 1–23); Ф.П.Сороколетов (вып. 24–30). Л., 1966–1996. Вып. 1–30.
 Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. М., 1964–1973; 2-е изд. 1986–1987; 3-е изд. — 1996. Т. I–IV.
 Черных 1993 — Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1–2.
 ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974. Вып. 1–.
 Слоўн. паўноч-заход. Беларусі — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча; у 5 т. / Уклад.: Ю.Ф.Мацкевіч, А.І.Грынавецкене, Я.М.Рамановіч, А.І.Чабырук, Ф.Д.Клімчук і інш. Мінск, 1978–1986. Т. 1–5.
 Соликам. Перм. 1973 — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П.Беляева. Пермь, 1973.

А. И. Кузнецова

Забывтое слово селькупского языка: что за ним скрывается?

Детская сказка о дне рождения черепашки, которой друзья-звери приносят в подарок то, что им самим больше по сердцу (лев — кость, пеликан — рыбку, слон — ведро воды и т.д.), весьма поучительна: новорожденному следует дарить то, что ему было бы приятно, а не то, что нравится дарящему (справедливости ради следует сказать, что мышка, любительница сыра, преподнесла черепахе огромный кочан капусты, который с большим трудом к вечеру докатила до черепахи и которому та очень обрадовалась).

Жанна Жановна — этимолог, а дарящий — нет. Как же быть? Огорчить юбиляра подозрительной этимологией или написать что-нибудь, заведомо не интересное ему? Например, о дейксисе или эвиденциальности в самодийских языках? Думаю, лучше уточнить чужую этимологию или дать свою, рискуя ошибиться, а услышав критику, узнать нечто новое, чем оставаться в рамках собственной тематики, мало привлекательной для Ж. Ж.

Есть в районе проживания северных селькупов¹ речка Мотылька с одиноким домом, и называется это место Почтовая на Мотыльке. Старые люди объясняют, что когда-то здесь 'почту обмешковали', отсюда и название Уланьи Мотыльки [ulajij mōtjɨl'kj] Почтовая на Мотыльке.

Слово *ула* дается в словаре Ф.Г.Мальцева 1903 г. [Мальцев 2001] в значении 'подводы' (№ 663) и 'подвода' (№ 1371). С этим последним значением ('подвода', т.е. 'вид транспорта, конкретно — повозка') оно приведено у И. Эрдейи [Erdélyi 1969: 284] со ссылкой на «Букварь

¹ Северные селькупы, относящиеся к самодийской ветви уральских языков, проживают в Красноселькупском районе Тюменской области ЯНАО и в Туруханском районе Красноярского края. Экспедиция к тазовско-туруханским (северным) селькупам в 2003 г. в пос. Фарково Туруханского района Красноярского края, где впервые (за три экспедиции в данное село) было услышано слово, о котором пойдет речь, стала возможной благодаря финансовой поддержке фонда РФНФ (грант № 03-04-18007е).

для подготовительного класса селькупской начальной школы» Е. Д. Прокофьевой [Прокофьева 1953: 24]. При этом слово И. Эрдеи дает перевод его на немецкий язык (*Wagen* и *Gespann*). Данные немецкие слова у И. Эрдеи соответствуют не только селькупскому *ула*, но также селькупским словам *qaql̥i* ('нарты') и *kəɾi* ('аргиш, обоз'), первое из которых (*qaql̥i*) нередко употребляется в значении множественности, совокупности чего-либо: *qaql̥(il)̥ iŋr̥ri* 'упряжка' [Эрдеи 1969: 267]; ср.: *qaql̥ il' iŋr̥r̥aq̥i* 'две нарты' [Очерки 1980: 168]). Однако Ф. Г. Мальцев, давая перевод слова *улать*, скорее всего, имел в виду под № 663 не количество подвод, повозок, а слово, представляющее собой отглагольное существительное, употреблявшееся в русском языке издавна, используемое в Pluralis и означающее гужевую (иначе — 'подводную') повинность, состоявшую в предоставлении гонцам лошадей или любых других транспортных средств для езды и для перевозки грузов. В памятниках древнерусского языка оно фиксируется начиная с XIII в. [СлРЯ XI–XVII, 15, 1989: 236–237]. В этимологическом словаре заимствований А. Е. Аникина [Аникин 2003: 633; ср. также Аникин 1997: 605] *ула* приводится как слово, встречающееся в говорах северно-селькупского диалекта. По мнению А. Е. Аникина, оно связано по происхождению с бурятским и монгольским *улаа* 'подвода' (письменный монгольский *улаа*), далее бур. *улачен* 'ямщик', а в забайкальских говорах русского языка *улачи* 'бурятская слободка, при станицах, для гоньбы, и // самая подводная повинность эта' [Даль 1882, IV: 487]. Именно факт встречаемости производных от этого слова в русских говорах позволяет допустить, что слово *ула* пришло в селькупский язык через русское посредство (хотя прямых доказательств существования рус. сиб. **ула*, по свидетельству А. Е. Аникина [Аникин 2003: 633], нет). Каково было значение этого слова?

В отличие от бурятского и монгольского, где слово *улаа* имеет значение 'подвода', в калмыцком языке *ил̥а* означает 'почтовые лошади, государственная почта' [Фасмер 1973, 4: 158 // Рамstedt: 448]. Можно предположить, что *ула* означало прежде всего 'гужевую / подводную повинность', чему соответствовало устаревшее ныне значение слова *подводы*. Во многих русских говорах Сибири (как и европейской части России) встречаются сочетания *гонять гоньбу* 'перевозить пассажиров, почту, товары на лошадях' (влад., том.), *гонять почту* (устар.) 'доставлять почту' (том.), *гонять ямщину* 'перевозить пассажиров, почту, товары на лошадях' (курган., том., перм., новосиб.) [СРНГ 1972, 7: 15–16; Словарь фразеологизмов 1972: 56–57]; 'работать ямщиком; развозить почту' [Фразеологический словарь 1983: 46];

подводы гонять 'заниматься извозом' (прибайкал.) [СРНГ 1992, 27: 358]; *гонять подводы, ходить с подводами* 'выполнять гужевую повинность' (р. Урал.) [СРНГ 1992, 27: 358]. Не исключено, что в селькупском языке появилась калька с приведенных примеров, а в качестве отглагольного существительного, стоящего во множественном числе, использовалось заимствованное слово *ула*. Не случайно данное слово, впрочем, забытое современными жителями с. Фарково Туруханского района Красноярского края (его знали лишь редкие представители старшего поколения), переводилось как 'почта', а выражение *улап м̥əкə* [ulap m̥əqə] (букв. 'почту делать') наряду с глаголами *улат̥iqə, улар̥iqə* означало 'возить почту и наняться на почту', хотя одновременно *улат̥ кун* [ulat̥ qun] — это 'ямщик': *Ты что улаб̥iса, что ли?* 'Ты что, почту возил, что ли?' Данное значение широко бытовало приблизительно до 1910 г., по свидетельству старожилов-селькупов. По воспоминаниям одного из них, отец которого возил почту почти до 1920 г. (перегон был, как говорил сын, не менее 50–60 км²), существовала 'почтовая дорога' (*ула сар̥i*) между Сидоровском и Совречкой: *Sovr̥čka p̥n̥ eisa ulal' m̥əti̥ Sidorovska t̥əti̥* 'От Совречки была почтовая дорога до Сидоровска'. Селькупка 1940 года рождения, знавшая от мужа слово *ула*, сказала: 'Это уже дошли до совсем старых слов. Меня и живой тогда не было'.

Селькупам, знающим слово *ула*, оно известно также в значении 'груз', в связи с чем *улап (улат̥) м̥əti̥* переводят иногда как 'грузовая дорога'. Можно еще и сейчас услышать фразы типа *Na qun r̥'ott̥i̥r̥it̥ ulap qaql̥isa* 'Этот человек везет груз нартой'; *Ulap r̥'ott̥i̥r̥it̥ qun q̥ə̥mp̥a m̥ətt̥om̥i̥t̥* 'Груз тащит человек (который) идет по дороге' [ПМА].

В условиях тундры передвижение весной и ранним летом по мелким и узким речкам и топким озерам с бесконечными волоками было настолько затруднительно³ и вместе с тем настолько насыщено, что уже

² Сохранились источники, позволившие историкам установить скорость и размер суточного пробега при почтовой гоньбе. По свидетельству Б. В. Сапунова, «в 80-е гг. XVII в. ямщикам предписывалось летом держать скорость в среднем 7 км/час, зимой — 6 км/час. Иногда скорость достигала 10–11 км/час. В зависимости от погодных условий суточный пробег составлял 100, максимум 150 км» [Сапунов 1976: 202]. Соответственно один перегон мог составлять 50–60 км, что подтверждается и приводимым примером.

³ Так, от Мангазеи, первого «непашенного» города в заполярье, чтобы добраться до Енисея, надо было плыть сначала вверх по р. Таз, затем по его притоку Волочанке в Круглое озеро, откуда по мелким речкам, топким боло-

в 1654 г. «мангазейский воевода Игн. Корсаков распорядился устроить правильный тракт: „из Мангазеи на Турухан лесом тес тесать и по тундрам чумы ставить и дороги утверждать, чтоб та дорога вперед была прочна и стоятельна... а вперед... по той дороге мочно ходить всяким людям... без вожей“». Проведение этого шоссе обошлось в скромную сумму 2 р. 20 к.» [Бахрушин 1928: 121]. Известно, что еще до завершения начатых работ «для обслуживания нужд проезжих людей на волоку возникла „волоковая баня“, с буфетом, где продавался „кислый квас и сусло“, и игорным домом для игры в зернь, в „картанные“ и „всякие закладные игры“» [Бахрушин 1928: 121–122]. Это свидетельствует о появлении уже в XVII в. в районе проживания северных (тазовско-туруханских) селькупов первых ямов, иначе — станков, станов. Само слово *ям* было заимствовано древнерусским языком из тюркских во времена Золотой Орды: ср. уйг. *jam* ‘почтовая станция’, тур., чаг. *jam* ‘почтовые лошади’ < монг.; письменный монг. *жам* ‘почтовая станция’ и др. [Аникин 2000: 725].

Набираемые (или назначаемые) из местного населения ямщики отправляли на месте ‘почтовую гоньбу’. Не исключено, что название селения Янов Стан⁴ на бывшем тракте от Мангазеи до Енисея имеет отношение к этой ямской повинности. Можно высказать несколько гипотез о происхождении данного топонима. Первое предположение, что *Янов* происходит от татарского *яну*, иначе — *яны* ‘новый’ (ср. тур. *jeni*) и означает, следовательно, Новый Стан, вызывает сомнение в силу отсутствия непосредственных контактов в данном районе с тюркоязычным населением и странным при такой трактовке суффиксом. О связи названия станка с каким-то конкретным лицом по имени Ян ничего не известно. Возможность древних контактов с эвенками и манси позволяет допустить связь слова *ян-ов* с мансийским *janj* ‘чистое болото, болотистая местность, тундра’, из которого было заимствовано в русский язык слово *янга* (см. [Аникин 1997: 756]). В таком случае наименование станка будет означать ‘Тундров(ый) стан’. Тот

там плыть по другой Волочанке, впадающей в р. Турухан, затем, минуя реки Верхнюю и Нижнюю Баихи, по Турухану — в Енисей.

⁴ Со временем Янов Стан утратил свой первоначальный статус станка на тракте, превратившись в факторию. По свидетельству Л. А. Варковицкой, работавшей в селах Верхняя и Нижняя Баиха летом 1941 г., именно через Баиху (а не через Янов Стан) по многим разным речкам ехали с Таза в Туруханск молодые люди для дальнейшей отправки их на фронт [Варковицкая 1947: 17]. Ср. примечание 3.

же результат даст и обращение к заимствованию из эвенкийского в русский слова *янга*.

Таким образом, слово *ула*, как и было высказано предположение А. Е. Аникиным, пришло в селькупский язык через посредство русского языка, но скорее всего первоначально в значении ‘гужевая/подводная повинность’, что и получило отражение в словаре 1903 г. Ф. Г. Мальцева в виде слова *подводы*; появились кальки с русского, связанные с этим значением, развились и другие значения — ‘груз’, ‘грузовая (вместо почтовая) дорога’ и в конечном итоге возникли устойчивые сочетания, сходные с русскими. Происхождение названия селения Янов Стан также связано с отправлением ‘ямской/гужевой повинности’.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997; 2-е изд. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2003 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Бахрушин 1928 — Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928.
- Варковицкая 1947 — Варковицкая Л. А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук. М., 1947 (рукопись).
- Даль 1882 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. 1882 г. М., 1955.
- Мальцев 2001 — Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev / Herausgegeben von E. Helinski, U. Kahrs. Hamburg, 2001.
- Очерки 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкова Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М., 1980.
- Прокофьева 1953 — Прокофьева Е. Д. Букварь для подготовительного класса селькупской начальной школы. Л., 1953.
- ПМА — Полевые материалы автора статьи, собранные в 2003 г.
- Сапунов 1976 — Сапунов Б. В. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. («Вести-Куранты») // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
- СлРя XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.
- Словарь фразеологизмов 1972 — Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Составители Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск, 1972.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. СПб., 1972–1992.

Фасмер 1973 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973.

Фразеологический словарь 1983 — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

Erdélyi 1969 — Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (ЯЗЫКИ, ГОВОРЫ)

бур.	бурятский язык	р. Урал	русские говоры на р. Урал
влад.	владимирские говоры	сиб.	сибирские говоры
др.-рус.	древнерусский язык	том.	томские говоры
курган.	курганские говоры	тур.	турецкий язык
монг.	монгольский язык	тюрк.	тюркские языки
новосиб.	новосибирские говоры	уйг.	уйгурский язык
перм.	пермские говоры	чаг.	чагатайский язык
прибайкал.	прибайкальские говоры		

Л. В. Куркина

К этимологии русск. *ёрить/ерить*

Это этимологически трудное слово с основным значением 'спорить, горячиться', 'вести распутный образ жизни' и т. п. и связанные с ним диал. *ёрник* 'беспутный, озорной человек; повеса', 'волокита', *ер* 'плут', *ёра* 'живой, бойкий человек' отмечены лишь на территории русских говоров. К восстановлению этимологических истоков слова исследователи идут разными путями. Наиболее активно ведутся поиски родственных образований в индоевропейских языках. Признавая сомнительной праславянскую древность русского диалектизма, Ф. Славский тем не менее включает гл. *ерить* в праславянский словник и видит в этом образовании архаизм с глубокими индоевропейскими корнями. Вслед за другими исследователями (Фасмер II: 21–22) он признает необоснованным сближение русск. *ерить* с лтш. *eīrīgs* 'разгневанный, сердитый' (ср. Osten-Sacken 1908: 380–381) на том основании, что последнее заимствовано из ср.-нем. *erre* 'гневный', *errich* 'спорный'. Ф. Славский определяет слав. **eriti* как результат преобразования некой исходной формы с корневым вокализмом *-e-*, для которой в плане семантики наиболее вероятно родство с продолжениями и.-е. **er-ei-* 'трогаться, двигаться, ехать; возбуждать, волновать': греч. *ἔρεθω* 'дразнить, тревожить, возбуждать', алб. *jerm* (< **er-mo-*) 'шалевой', с другим вокализмом корня др.-инд. *írya-h* 'подвижный, живой, энергичный': *ṛbóti* 'вздвигаться', 'двигаться', греч. *ῥύωμι* 'поднимать(ся), побуждать, гнать', лат. *orior, oriri* 'подниматься, всходить; выплывать, вытекать', далее сюда же слав. **rějati, *rěka, *rojь* (SP 6: 58).

Другое направление связано с поисками родственных образований на славянской почве. Начиная с Соболевского русск. *ёрить* на основе чередования гласных соотносится со слав. **oriti* (русск. *разорить*) (Фасмер II: 21; ЭССЯ 6: 27). Собственно к этой же версии склоняется в своем словаре и П. Я. Черных, подчеркивая, что слово *ёрник* «с течением времени подверглось переосмыслению, потому что оно вступило в контакт с другими словами, совпадающими или близкими по знач.» (Черных I: 286). Это означает, что русский диалектизм, занимавший изолированное положение в словаре, испытал притяжение со стороны более активных образований, близких по форме и принадлежащих к тому же понятийному полю, одно из